

The background of the cover is a serene winter night scene. In the foreground, snow-covered evergreen branches with icicles hang down. A calm lake reflects the sky and the distant mountains. On the right bank, a small wooden cabin with warm yellow lights inside and a chimney emitting a wisp of smoke sits among the trees. In the background, majestic snow-capped mountains rise against a dark blue night sky filled with stars and the Milky Way. A full moon is visible in the upper right quadrant.

СНЕГ И ВОЛШЕБСТВО

Роман

АЛЕКСАНДР ПАРХОМЕНКО

Александр Пархоменко

Снег и волшебство

«Автор»

2026

Пархоменко А.

Снег и волшебство / А. Пархоменко — «Автор», 2026

Охотник Гром живёт в тайге, где каждый день — борьба за выживание. Когда он убивает медведя-шатуна, тот утягивает его в мир магии, где звери говорят, леса светятся, а древние силы выбирают своих хранителей. Гром становится Хранителем — получает метку медведя и силу, которая может сделать его королём. Но он не хочет править. Он хочет лишь найти путь домой. В волшебном мире он встречает Кору — девушку без души, созданную из стихов и металла. Их любовь становится якорем для Грома, его единственным светом среди магии и опасностей. Но злодей Лорд Терний жаждет уничтожить всё живое и превратить мир в механическую пустыню. Он похищает Кору, вырывая из неё жизнь. Гром отдаёт свою магию, чтобы спасти любимую. Теперь он — обычный человек. Но любовь не зависит от силы. И когда судьба забрасывает его в параллельный мир на пятнадцать минут, а в его мире проходят двадцать пять лет, он сталкивается с самым страшным испытанием: он вернулся, но время ушло.

© Пархоменко А., 2026

© Автор, 2026

Александр Пархоменко

Снег и волшебство

Снег и волшебство

Глава первая. Чёрная кровь на белом снегу

Снег скрипел под ногами с противным, вязким звуком, словно Гром наступал на горсти сухих костей. Мороз стоял такой, что деревья лопались по ночам, и их треск разносился по тайге, как выстрелы из дальнего ружья. Третий день он шёл по следу, и след этот становился всё свежее, всё наглее. Зверь не таился. Зверь знал, что за ним идут, и ждал.

Гром остановился на краю оврага, присел на корточки и провёл пальцем по развороченной коре берёзы. Шатун дрался здесь с кем-то неделю назад, а может, просто точил когти о дерево, метя территорию. Полосы были глубокими, уходящими в белую сердцевину ствола на два пальца. Охотник выпрямился, поправил за спиной тугой лук и почесал щетинистый подбородок. Ему было тридцать, но выглядел он на все сорок — лицо, изъеденное ветрами, глубокие морщины у глаз, жёсткие, как корни, пальцы и вечная настороженность в серых, почти стальных глазах.

— Ну и куда ж ты прёшь, мохнатый, — хрипло сказал он в пустоту. — Не к добру это, когда медведь зимой по лесу шастает. Пора бы тебе спать, а ты гадишь.

Ответа не было. Только ветер тянул с севера, неся с собой запах прелой листвы и... крови. Гром насторожился. Кровь была свежая, человеческая. Или почти человеческая.

Он спустился в овраг, ухватившись за корни, выпирающие из замёрзшей земли. Ноги скользили по насту, но он привычно балансировал, распределяя вес. Внизу, у замёрзшего ручья, лежала туша лося. Распотрошённая, остывшая, но ещё не замёрзшая полностью. Медведь прикончил его сегодня утром, оставил про запас и ушёл в чащу. Гром выругался сквозь зубы. Он знал этого зверя. Три года назад старый лесник, дед Егор, рассказывал про Медведя-Костолома. Зверь, который не боится огня, не боится железа и не уходит от человека. Зверь, который словно искал кого-то.

— Меня ищешь? — спросил Гром у мёртвого лося и усмехнулся собственной глупости. — Ну, я тут.

Он принялся разделять лося — не для еды, а чтобы понять, как убивал зверь. Удар был страшным. Лапа снесла лося бок так чисто, будто работал топор мясника. Гром перевернул тушу на бок и замер. На коже лося, прямо над сердцем, отчётливо виднелся отпечаток — не просто рана, а именно отпечаток огромной, пятипалой лапы. Она светилась тусклым, мутным светом, словно кто-то оставил клеймо раскалённым железом.

— Вот это уже сказки, — пробормотал Гром и перекрестился по старой, полузабытой привычке. — Свят, свят.

Он не был суеверным, но за свою жизнь охотника навиделся всякого. Однако такое — впервые. Следы вели дальше, в самую глушь, где сосны стояли такими плотными рядами, что

через их кроны не пробивался свет. Там, в сердце тайги, гнезилось что-то древнее, что люди перестали замечать, потому что забыли смотреть.

Гром шёл, не останавливаясь до самого вечера. Ноги гудели, плечи ныли от тяжести мешка с припасами, но он знал — если дать зверю передышку, тот уйдёт слишком далеко. Медведь-шатун не бросает начатое, это Гром усвоил за годы. Они похожи: и охотник, и зверь — оба упёртые, оба не терпят, когда кто-то уходит от них.

К ночи небо затянуло низкими, свинцовыми облаками. Пошёл мелкий колючий снег, который забивался за шиворот и таял, вызывая дрожь. Гром развёл костёр у подножия старой лиственницы, поставил кипятиться воду и, достав кисет, скрутил самокрутку. Табак был горьким, деревенским, но он помогал думать.

— Чего ты выперся из берлоги, а? — спросил он, глядя в огонь. — Белки нет. Ты старый, я знаю. Ты, может, постарше меня вдвое. И ты не дурак. Зимой по тайге шастают только бешеные или голодные. Но ты не голодный — ты завалил лося и ушёл. Значит, бешеный.

Он затянулся, выпустил дым в морозный воздух и вдруг услышал звук. Сначала он подумал, что это ветер гнёт ветку, но звук повторился. Тихий, влажный, хлюпающий. Гром погасил самокрутку о подошву сапога и схватился за лук. Надел тетиву, привычным движением проверил натяжение. В темноте, за кругом света, кто-то дышал. Часто, тяжело, с присвистом.

— Выходи, — сказал Гром ровно, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Выходи, пока я не решил, что ты враг.

Молчание. Потом из тьмы выступила фигура. Человек. Вернее, то, что когда-то было человеком. Старик в рваной одежде, с седой, свалывшейся бородой и глазами, которые горели белым, лихорадочным светом. Он дрожал мелкой дрожью, и на его лице застыла гримаса такого ужаса, что Гром невольно попятился.

— Уйди, — прошептал старик. — Уйди, пока цел. Он идёт. Он всё чувствует, всё слышит. Ты пахнешь железом, ты пахнешь смертью. Он придёт за тобой.

Гром опустил лук, но стрелу не вынул из пальцев.

— Кто идёт? Медведь?

Старик засмеялся — страшным, каркающим смехом, который перешёл в кашель.

— Медведь? Нет, — он сплюнул на снег, и слюна была чёрной, как дёготь. — Не медведь. А тот, кто в нём сидит. Я был как ты. Охотник. Убил зверя двадцать лет назад, а он... он не умер. Меня вышвырнуло, понимаешь? Вышвырнуло в этот мир, а теперь я не могу найти дорогу назад. Я тень. Я ничто.

Гром нахмурился. Бред. Смертельный бред переохлаждения или бешенства. Он шагнул к старику, протянул руку, чтобы помочь ему сесть поближе к огню, но тот резко отшатнулся, забился, замахал руками.

— Не трогай! Не трогай меня, я заражён! Он оставил на мне метку, видишь? — старик задрал рукав, и Гром увидел это — тот же самый светящийся отпечаток ладони, что и на лосе. Только у старика он пульсировал багровым, и кожа вокруг него была чёрной, гниющей заживо.

— Что это? — тихо спросил Гром, чувствуя, как холодок пробегает по позвоночнику.

— Жребий, — старик прижал руку к груди. — Тот, кто убьёт Медведя-Костолома, становится его вместилищем. Я не знал. Я убил его топором, а он вцепился в меня и утянул сюда. Я не могу умереть. Я не могу жить. Я просто... иду. Иду за ним, чтобы он освободил меня. Но он не отпускает. Ему нужен новый сосуд. Ему нужен тот, кто сильнее. Ты.

Он показал дрожащим пальцем на Грома.

— Я чую на тебе. Ты убивал. Много. Но ты никогда не убивал без нужды, да? Ты охотник. Ты — тот, кто смотрит в глаза зверю, прежде чем выстрелить. Он ищет таких.

Гром сжал лук до хруста. Мысли метались в голове, как вспугнутые птицы. Суеверный бред. Сказки, которые бабки рассказывают у печек. Но светящийся след на руке старика был реальным, он горел, и от него исходил странный запах — озона и старой крови.

— Откуда ты? — спросил Гром. — Как называется тот мир, куда он тебя утянул?

— Не называй его, — прошептал старик, и глаза его закатились. — Не называй при нём. Он услышит. Он всегда...

Старик не договорил. Из чащи, с оглушительным рёвом, вылетела тень. Огромная, массивная, метнувшаяся к костру так быстро, что Гром не успел даже вскинуть лук. Медведь. Он был в два раза больше любого медведя, которого Гром видел в своей жизни. Шерсть лоснилась, словно смазанная жиром, в ней запутались сухие листья и ветки, а в глазах — Боже, что за глаза — горело багровое пламя. Они смотрели не по-звериному, а с разумом. С жестоким, древним, человеческим разумом.

Медведь одним ударом лапы смял старика, как гнилой мешок. Кости хрустнули, и в следующую секунду тело охотника-тени исчезло, растворилось в воздухе, оставив лишь ключья серой дымки. Зверь повернулся к Грому. В красных глазах танцевали отблески пламени.

— Ну давай, — прошептал Гром, поднимая лук. — Давай, старый.

Он выстрелил. Стрела вошла медведю прямо в грудь, чуть ниже горла — туда, где у любого нормального зверя билось сердце. Но медведь не остановился. Он пошёл на Грома. Вторая стрела ушла в глаз, третья — в плечо. Кровь — чёрная, густая — брызнула на снег, но зверь шёл. Десять шагов. Семь. Пять. Гром бросил лук и схватил нож-кукри — тяжёлое, кривое лезвие, которое он выковал сам. Он ждал. Когда медведь поднялся на задние лапы, чтобы раздавить его, Гром упал на колени и всадил нож по самую рукоятку в брюхо, туда, где кожа была тоньше всего.

Зверь взревел. Это был не медвежий рёв — это был вой, полный боли, ярости и, как ни странно, облегчения. Тяжёлая туша рухнула на Грома, придавив его к земле. Ребра хрустнули,

из лёгких вырвался воздух, но Гром не отпускал нож. Он крутил его, искал, резал вслепую, пока не нащупал что-то плотное, каменное, пульсирующее.

Сердце медведя было не из плоти. Оно было горячим, искристым, и когда Гром пронзил его, мир взорвался белым светом. Он почувствовал, как когтистая лапа вцепилась ему в правую руку, сжимая её с силой, которая могла бы переломать кости. Но вместо боли он ощутил жар. Станный, обжигающий жар, который поднимался от ладони к плечу, к груди, к голове. Снег под ним расплавился и закипел, земля стала мягкой, податливой. Гром проваливался в неё, как в трясины, и последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание — это перевёрнутое небо. Там, где должно быть чёрное зимнее небо с редкими звёздами, сиял алый закат, и между облаков летали огромные, светящиеся птицы.

Он очнулся от того, что кто-то лизал ему лицо. Мокрым, шершавым языком. Гром дёрнулся, вскинул руку, чтобы ударить, но понял, что не может — правая рука была словно налита свинцом и пульсировала странным, тягучим теплом. Он с трудом разлепил веки.

Вместо сосновых веток над ним расстилась зелёная крона, усыпанная светящимися, как светлячки, цветами. Вместо снега он лежал на мягком, бархатистом мхе, который дышал. Буквально дышал — приподнимался и опускался, как грудь спящего зверя. Гром сел, и перед ним, виляя хвостом, сидел волк. Огромный, белый, с янтарными глазами, которые смотрели на него с явным любопытством.

— Убирайся, — хрипло сказал Гром, отмахиваясь. — Отстань.

Волк наклонил голову и вдруг заговорил. По-человечески.

— Ты не похож на короля. Короли обычно встают и представляются, а не валяются в мху.

Гром замер. Он подумал, что бредит, что у него жар, и ударил себя кулаком по лбу. Боль была настоящей. Волк фыркнул.

— Прекрати бить себя. Это не поможет. Ты в Великом Лесу, охотник. И ты только что убил его Хранителя. Поздравляю. Ты теперь или самый сильный, или самый мёртвый. Посмотрим, что выберешь ты.

Гром встал, покачиваясь. Ноги слушались плохо, но он всё же поднялся на ноги и осмотрелся. Лес был невероятным. Деревья достигали высоты небоскрёбов, их стволы были увиты лианами, которые излучали мягкий, голубоватый свет. Пахло сладко, терпко, чем-то цветущим, хотя Гром знал — цветов в тайге зимой не бывает. Но здесь не было зимы. Здесь стояло тёплое, влажное лето.

Он поднял правую руку и охнул. На тыльной стороне ладони, чуть выше запястья, горела та самая метка — отпечаток медвежьей лапы. Она не была тёмной или больной. Она была золотистой, и её линии переливались, как жидкий янтарь. Гром попытался стереть её, потереть снегом (которого не было), но метка оставалась, пульсируя в такт его сердцу.

— Что ты сделала, тварь? — прошептал он, обращаясь к мёртвому медведю. Но ответил ему волк.

— Он не сделал. Ты сделал. Ты прошёл сквозь его кожу и забрал его силу. Теперь ты — следующий Хранитель. Если, конечно, доживёшь до вечера.

Гром повернулся к волку. Он не боялся. За свою жизнь он перевидал волков, и этот, хоть и умел говорить, был всё же зверем. Гром умел разговаривать со зверями — на языке жестов, дыхания и угроз. Он шагнул вперёд, и волк прижал уши, но не убежал.

— Говори, — приказал Гром. — Где я? Кто ты? И что за дерьмо с моей рукой?

Волк сел на задние лапы, явно наслаждаясь вниманием. Он был не просто волком, он был старым, мудрым, хитрым существом. Гром видел это по его глазам — слишком умным для животного.

— Я — Страж Северной Границы, — сказал волк. — Имя моё Вьен. А ты — Гром. Это я знаю, потому что все Хранители приходят с громом и молниями. Ты просто рухнул с неба, как мешок с костями, и пробил мой мох. Хорошо, что не приземлился на меня. Я не люблю, когда на меня падают.

Гром усмехнулся. Откуда-то из глубины его существа поднялась злая, дикая радость. Он был охотником, и он всё ещё был жив. Это главное.

— Веди меня к людям, — сказал он, поправив на поясе нож. Нож был на месте, хотя он помнил, что оставил его в брюхе медведя. — Я разберусь, что тут к чему. А если это сон, я проснусь.

— Это не сон, — вздохнул Вьен. — И люди здесь не любят таких, как ты. Ты пахнешь смертью, охотник. Но ты мне нравишься. Иди за мной. Но предупреждаю — в первой же деревне тебя попытаются убить. Так что держи нож наготове.

Гром усмехнулся и посмотрел на своё оружие. Крик лезвия, на котором уже проступили тонкие, серебристые прожилки — такие же, как на метке на его руке. «Вот это подарочек», — подумал он, и пошёл за волком в чащу, где воздух звенел от тысячи незнакомых голосов, а каждый куст шевелился и дышал.

Они прошли около часа через лес, который Гром про себя уже назвал "Безумным". Растения здесь жили своей жизнью — папоротники сворачивались в клубки при приближении и перекатывались по земле, как ежики. Цветы величиной с тарелку издавали низкий, гудящий звук, когда он проходил мимо, а деревья иногда вздыхали, выпуская облачка пыльцы, которая пахла мёдом и горечью. Гром пытался запомнить дорогу, но понял, что это бесполезно — тропы менялись, переплетались, исчезали за его спиной. Волк Вьен не оборачивался, он шёл впереди грациозно, словно плыл.

— Ты сказал, я убил Хранителя, — спросил Гром, раздвигая ветви, которые услужливо расступались перед ним. — Это значит, что медведь был не просто зверь?

— Зверь, — не оборачиваясь, ответил Вьен. — Но не простой. В этом мире всё живое несёт в себе отпечаток Великой Тайны. Земля, вода, воздух — всё имеет своего Хранителя. Тот медведь был Хранителем Границы Между Мирами. Он держал проход между твоей землёй и нашей. Он не должен был давать никому проходить. Но он был старым и одиноким. Он искал преемника. И нашёл тебя.

— Я не просил, — проворчал Гром, потирая пульсирующую ладонь.

— Звери не спрашивают, охотник, — огрызнулся Вьен. — Они берут. Ты взял его жизнь, он взял твою. Сделка.

Они вышли на поляну, и Гром остановился, поражённый. В центре поляны, вкопанное в землю, стояло огромное, почерневшее от времени кресло, сплетённое из корней. Оно было тронем. А на троне сидел человек — или то, что казалось человеком. Тощий, обтянутый лоснящейся кожей, с глазами, закрытыми повязкой из листьев. Он сидел неподвижно, и его пальцы перебирали костяные чётки.

— Мать-Тина, — прошептал Вьен, и сел рядом с Громом, демонстрируя уважение.

Гром не знал, что делать. Он не привык кланяться. Он скрестил руки на груди и ждал. Женщина на троне медленно повернула голову и сняла повязку. Под ней оказались глаза — белые, как молоко, но они видели. Гром почувствовал, как они пробегают по нему, ощупывают его тело, его прошлое, его страхи.

— Охотник, — голос её был тихим, но он звенел, как колокольчик под водой. — Ты пришёл с дождём и громом. Ты сломал мою калитку.

— Я просто упал, — честно ответил Гром. — Не хотел ничего ломать.

Мать-Тина усмехнулась, и от этого звука у Грома мурашки побежали по спине. Она была старой, уставшей и очень опасной.

— Ты убил моего друга, — сказала она. — Я чувствовала его боль. Ты всадил нож в его сердце, даже не спросив, зачем он пришёл к тебе.

— Он пришёл убить меня, — твёрдо ответил Гром. — Я защищал свою жизнь. Я охотник, но я не убийца. Я убиваю только то, что пытается убить меня.

Мать-Тина встала и спустилась с трона. Она была невысокой, но в ней чувствовалась сила, способная согнуть вековой дуб. Она подошла к Грому и взяла его за правую руку, разглядывая метку.

— Ты лжёшь, — сказала она спокойно. — Ты убивал не только для защиты. Ты убивал из злости. Из обиды. Ты злишься на мир, потому что он забрал у тебя всех. В твоей душе чёрная дыра. Медведь почувствовал это. Ему нужна была та, кого он сможет заполнить светом. Но он ошибся. Ты пуст. И ты станешь или самым лучшим королём, или самым страшным чудовищем.

Гром хотел огрызнуться, сказать, что она ничего не знает, но слова застряли в горле. Она смотрела на него, и в её белых глазах не было осуждения. Была усталая печаль.

— Я не хочу быть королём, — сказал Гром. — Я хочу домой.

— Домой? — Мать-Тина рассмеялась, и этот смех разнёсся по поляне, заставив цветы закрыться. — Нет пути назад, охотник. Ты умер в своём мире. Теперь ты здесь. И ты остаешься здесь, пока не поймёшь, что значит быть Хранителем. Если поймёшь. Если нет...

Она отпустила его руку и повернулась к Вьену.

— Веди его в деревню к Костяному Ручью. Пусть люди увидят его. Пусть страх пройдет через них. А когда они попытаются убить его — защити.

— Они убьют его, — равнодушно сказал Вьен. — Он выглядит как враг.

— Тогда они умрут, — так же равнодушно ответила Мать-Тина. — И мир станет чуть чище.

Гром стиснул зубы. Всё это было похоже на дурной сон, который никак не хотел заканчиваться. Он достал из кармана кисет — он был на месте! — и скрутил самокрутку. Затянулся, и горький дым привычно обжёг лёгкие. Это было единственное, что осталось от его прежней жизни.

— Пошли, — сказал он волку. — Покажу твоим людям, что я за чудовище. Но предупреждаю — я не умею быть вежливым.

Вьен хитро прищурился и побежал вперёд, оставляя в воздухе искрящийся след. Гром поправил нож, сжал кулак со светящейся меткой и шагнул за ним, в неизвестность. Он чувствовал, что этот мир — как огромное, спящее животное, и оно только что проснулось и принюхивается к нему. И Гром знал: если он покажет страх, оно съест его.

Деревня Костяной Ручей оказалась совсем не такой, какой Гром себе её представлял. Он ожидал увидеть грязные хижины и перепуганных крестьян, но перед ним стояли аккуратные, округлые дома, слепленные из глины и дерева так искусно, что они казались частью ландшафта. Над домами вились дымки, пахло свежим хлебом и какой-то травой. Вокруг сновали дети с большими, умными глазами, и все они носили на шеях амулеты из волчьих клыков. Когда они увидели Вьена, то радостно замахали руками, но, заметив Грома, застыли на месте, как вкопанные.

Гром шёл по центральной улице, чувствуя на себе десятки взглядов. Женщины выходили на пороги, прижимали руки к груди и шептали что-то. Мужчины выходили с топорами и косами. Они не нападали, но их позы были напряжены. Один из них — рыжий, коренастый, с огромным шрамом через всё лицо — вышел вперёд и преградил дорогу.

— Стой, — сказал он. — Дальше не пойдёшь.

— Мне сказали идти, — ответил Гром. — Я иду.

— Ты пахнешь железом и смертью, — рыжий сплюнул под ноги. — Ты убил Хранителя. Слышал, как лес плакал сегодня? Земля дрожала. Ты сломал равновесие.

— Я спасал свою шкуру, — пожал плечами Гром. — Если у вас тут свои порядки — объясните. Я человек простой, я не умею читать мысли. Вы скажите прямо — мне идти дальше или поворачивать назад?

Рыжий схватил его за грудки. Гром не сопротивлялся. Он смотрел на него холодным, спокойным взглядом.

— Ты заплатишь, — прошипел рыжий. — За каждую слезу, что пролил Лес.

В этот момент из толпы вышла девушка. Она была молода, лет двадцати, с каштановыми волосами, заплетёнными в тугую косу, и глазами, которые светились мягким зелёным светом. Она подошла к рыжему и положила руку ему на плечо. Тот сразу обмяк, опустил голову.

— Отойди, Бор, — сказала она тихо. — Дай мне поговорить с ним.

Девушка подошла к Грому вплотную. Она была на голову ниже, но смотрела смело, без страха. Она взяла его руку с меткой, провела по ней пальцем, и Гром вздрогнул — тепло от её прикосновения разлилось по телу, успокаивая боль, которую он не замечал до этого.

— Ты не враг, — сказала она. — Ты просто потерянный.

— Я хочу домой, — повторил Гром, и впервые его голос дрогнул.

— Я не могу отправить тебя домой, — ответила она. — Но я могу показать тебе, как выжить здесь. Меня зовут Кора. Идём. Я дам тебе поесть.

Она взяла его за здоровую руку и повела через толпу. Люди расступались, но в их глазах Гром видел неприкрытую враждебность. Враждебность и любопытство. Он был для них чудом, монстром и надеждой одновременно. И он понял, что Мать-Тина была права — его будут ненавидеть. Но Кора смотрела на него иначе. И это было странно, даже немного страшно.

Внутри дома Кору было тепло и уютно. Гром сел на низкую лавку у очага, где тихо потрескивали голубые угли, и взял в руки деревянную миску с горячим супом. Суп был странным — он светился тусклым зелёным светом, но на вкус оказался восхитительным, густым и наваристым, как у старых охотников на привале.

Кора сидела напротив и молчала, следя за тем, как он ест. Гром чувствовал её взгляд, но молчал, потому что не знал, что сказать. Ему было неудобно, неловко, и в то же время он чувствовал странное спокойствие, которое не ощущал уже много лет.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил он наконец, ставя миску на стол. — Все хотят моей смерти. А ты — нет.

— Я вижу дальше других, — ответила Кора просто. — Я вижу, что внутри тебя не зло. Ты сломан, но не сломлен. И я знаю, что Хранитель не выбрал бы тебя, если бы в тебе не было света. Просто ты забыл, как он выглядит.

Гром усмехнулся, провёл рукой по лицу, стирая усталость.

— Ты слишком умна для такой маленькой деревни.

— А ты слишком упёрт, чтобы умирать, — улыбнулась она в ответ. — Так что мы квиты. Отдыхай. Завтра мы идём к Лорду Тернию. Он ждёт тебя.

— Кто это? — нахмурился Гром.

— Тот, кто хочет отнять у тебя метку, — Кора вздохнула. — Или твою жизнь.

Гром посмотрел на свою светящуюся ладонь. Впервые за долгое время он не чувствовал себя одиноким. Но это не радовало — это пугало его больше, чем все медведи мира.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрим, что за птица этот ваш Лорд. Я не умею бояться. Я умею убивать. Только скажи — мне идти или бежать?

— Тебе идти, — сказала Кора, и её голос прозвучал увереннее, чем она сама ожидала. — Тебе всегда идти вперёд, Гром. Потому что ты — следующий король. Или последний. Выбирай сам.

Они смотрели друг на друга через пламя очага, и в воздухе между ними повисло что-то новое — не страх, не вражда, а тихая, почти нежная надежда.

Гром уснул на полу, положив под голову свою куртку и сжимая нож в руке. В первый раз за много лет он не видел кошмаров. Вместо этого он видел лес. Огромный, светящийся лес, который звал его. Звал домой.

Конец первой главы.

Глава вторая. Там, где светятся корни

Гром проснулся от того, что кто-то гладил его по голове. Он открыл глаза, резко сел, вскинул нож — и наткнулся на зелёные, сияющие глаза Кору. Она сидела рядом на корточках и убирала его волосы со лба. В пальцах у неё дрожал крошечный огонёк — не свеча, а живой, тёплый огонёк, похожий на светлячка.

— Ты кричал во сне, — сказала она тихо. — Я хотела разбудить тебя, но ты не просыпался. Ты что-то видел?

Гром опустил нож, выдохнул и потёр лицо ладонями. От её прикосновения на лбу осталось тепло, как от солнца.

— Лес, — признался он хрипло. — Я видел лес. Только он был не такой, как здесь. Он был тёмным, старым, и всё в нём шептало моё имя. А потом он загорелся. И я не мог его спасти.

Кора прикусила губу, и он впервые заметил, как она красива — не обычной, человеческой красотой, а той, которая рождается из света, трав и древней мудрости. На её скулах, чуть выше висков, проступали тонкие, серебристые линии, похожие на корни деревьев. Она не была полностью человеком.

— Это сон Хранителя, — сказала она, опуская руку. — Медведь передал тебе свои воспоминания. Он видел гибель своих лесов много раз. Он хотел, чтобы ты помнил.

— Я не хочу помнить, — буркнул Гром, вставая и поправляя пояс с ножом. — Я хочу есть и хочу понять, где я.

Кора встала следом, протянула ему кусок хлеба, испечённого на травах — он пах мятой и чем-то сладким, вроде мёда.

— Ты в Великом Лесу, Гром. Он раскинулся от Подземных Озёр до Стеклянных Шпилей. Всё, что ты видишь, всё, что ты трогаешь, всё, что слышишь — это магия. Она здесь течёт вместо воды. Дышит вместо ветра. И ты теперь её часть. Хочешь ты этого или нет.

Гром откусил хлеб, поморщился от необычного вкуса, но жевать не перестал. Ему нужно было время. Он подошёл к двери, распахнул её — и замер.

Ночной лес был мёртв. Он стоял в тишине, как затаившийся зверь. Но на земле, меж корней, пульсировали огоньки — тысячи, сотни тысяч крошечных светящихся точек. Они двигались, переливались, складывались в узоры, похожие на карту звёздного неба. Лес дышал этим светом. Он дышал им, как дышат лёгкие воздухом.

— Что это? — спросил Гром почти шёпотом, сам не зная, зачем говорит тихо.

— Души ушедших, — ответила Кора, подойдя к нему и встав рядом. Плечом к плечу. — Те, кто умер, не покидают этот мир. Они превращаются в корни, в листья, в этот свет. И они охраняют живых. Я говорю с ними, когда мне грустно.

— Ты — колдунья? — спросил Гром прямо.

— Нет, — улыбнулась Кора. — Я — Ожившая. Меня сотворили из металла, дерева и старого заклинания. Я не настоящая. У меня нет души, как у тебя или как у этих огоньков. Но я... — она замолчала, подбирая слова, — я умею чувствовать. И я хочу верить, что когда-нибудь, когда я умру, меня тоже примут корни.

Гром повернулся к ней. В темноте её глаза сияли ярче, чем светлячки. Он протянул руку и дотронулся до её щеки — осторожно, будто боялся сломать. Метка на его ладони вспыхнула золотом, и Кора ахнула — от его пальцев побежали тонкие искорки, касаясь её лица, и там, где они касались, проступали серебряные прожилки. Она выглядела так, будто вся была выткана из лунного света.

— Ты настоящая, — сказал Гром. — Ты самая настоящая, кого я встречал за последние десять лет. И не говори мне, что у тебя нет души. Если у тебя её нет, то у меня и подавно.

Она хотела что-то ответить, но не успела. За их спинами, в глубине леса, раздался звук. Сначала тихий, похожий на звон колокольчика. Потом громче, настойчивее, и Гром узнал этот звук — он слышал его, когда медведь умирал.

— Он идёт, — сказал он, хватая Кору за руку. — Тот, кого ты называешь Лордом. Что ему нужно?

Кора побледнела. Её лицо — и без того светлое — стало почти прозрачным.

— Ему нужна твоя метка, — сказала она быстро. — Лорд Терний не может стать Хранителем сам — у него нет сердца, он продал его механизмам. Но если он снимет метку с тебя, он сможет вставить её в свою машину и управлять лесом. Он хочет выжечь всю магию, Гром. Он хочет заменить живое деревом мёртвым.

— Тогда он не получит её, — рыкнул Гром и повернулся к лесу. — Вьен! Волк, где ты?

Из темноты бесшумно выскользнул белый силуэт. Вьен остановился рядом, поднял морду и принялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.